УДК 342.417; 342.59

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2018 г. М. В. Бородач

Частная юридическая практика “Управление имуществом и нематериальными активами”, Иваново

E-mail: supanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.07.2018 г.

В работе отстаивается тезис о конституционно-правовой природе публичной собственности с позиций о том, что роль государства как общественного института по отношению к публичным имуществом суть положение управляющего, а само управление составляет смысловой центр представлений о публичной собственности как юридическом феномене и неотъемлемом атрибуте российской государственности. Автор формулирует дефиницию категории «управление» применительно к обсуждаемой области общественной жизни и на этой основе предлагает соответствующие определения публичной собственности в ее юридико-феноменологическом и институциональном измерениях, раскрывая их составляющие и сущность.

Ключевые слова: публичная собственность, государственность, управление, владение, пользование, распоряжение, публичные имущества, Конституция России, публичная власть, публичные интересы.

DOI: 10.31857/S013207690002215-8

Трансформация политико-правовых подходов к регулированию сферы публичной собственности, происходящая в нашей стране в последние полтора десятилетия, служит весомой и к тому же совершенно естественной причиной также и постепенного теоретического переосмысления концептуальных характеристик этого сложнейшего экономико-юридического феномена. Подтверждением происходящих в юридической науке процессов выступают, с одной стороны, довольно высокое внимание к различным аспектам правового регулирования сферы публичной собственности, которое можно наблюдать прежде всего по числу вышедших в последние годы публикаций по данному направлению, а с другой — наметившаяся за этот период актуализация подходов к юридической оценке феномена публичной собственности преимущественно в его публично-правовом измерении³.

Представляется, что особую значимость на современном этапе развития российской юридической

науки приобретают обоснование и раскрытие именно конституционно-правовой сущности публичной собственности, которая в современных реалиях выполняет двоякую роль в качестве одного из необходимых элементов российской государственности: с одной стороны, публичная собственность служит экономическим фактором обеспечения государственного суверенитета России, а с другой — призвана обеспечивать удовлетворение соответствующих публичных интересов, в том числе и прежде всего решение насущных задач государственной политики в социально-экономической сфере.

Положение государства (как института общества) по отношению к различным публичным имуществом, которое предопределяется сущностью (онтологическим предназначением) публичной собственности как феномена, имеющего сугубо конституционно-правовую природу, суть положение управляющего (но не собственника!), а категория “управление”, тем самым, приобретает характер смыслового центра базовых представлений о публичной собственности как о весьма специфической области публичного правопорядка.

Следовательно, представляется, что обоснование и раскрытие конституционно-правовой сущности публичной собственности могут быть наилучшим образом обеспечены прежде всего посредством анализа категории управления применительно к проблематике

³ Достаточно в этой связи указать на наиболее значимые публикации, в которых обосновывается и применяется указанная методология, увидевшие свет в последние 10-15 лет: *Мазаев В. Д.* Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004; *Винницкий А. В.* Публичная собственность. М., 2013; *Бородач М. В.* Конституционно-правовая природа публичной собственности. Тюмень, 2015; и др.

публичной собственности, т.е. путем выделения его специфических характеристик в указанном срезе и их закрепления в виде соответствующего определения (дефиниции). Разумеется, подобный анализ должен опираться в первую очередь на традиционно выделяемые (и потому, в принципе, общеизвестные), подробно обоснованные в управленческой науке признаки категории управления вообще⁴; с учетом их синтетического обобщения далее следует предпринять попытку сформулировать определение управления применительно к проблематике публичной собственности, поскольку такое определение управления, в свою очередь, станет понятийно-категориальной основой и для формулирования дефиниции самой публичной собственности как юридического феномена.

Итак, *управление, образующее смысловой центр представлений о публичной собственности, раскрывается посредством совокупности следующих его объективных свойств и признаков:*

1) управление в сфере публичной собственности есть некоторое воздействие, производимое соответствующими субъектами права в вещной среде публичного собственника;

2) объектом воздействия, осуществляемого в вещной среде публичного собственника, всегда является поведение людей, которые в рамках складывающихся между ними отношений публичной собственности осуществляют фактические и юридически значимые действия, приводящие к тем или иным изменениям в вещной среде публичного собственника, либо воздерживаются от осуществления определенных действий⁵;

3) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, всегда имеет целенаправленный характер (цель), т.е. оно совершается с намерением достичь определенных фактических или юридически значимых изменений в вещной среде публичного собственника;

4) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, имеет прочную связь с публичными интересами (содержание которых предопределяет цели этого воздействия), а также характеризуется свойством публичности, которое следует понимать как объективно существующую в обществе юридически безразличную вовлеченность индивидуально не определенного круга лиц в отношения по реализации тех или иных публичных интересов; свой-

ство публичности, обусловленное наличием указанной прочной связи осуществляемого воздействия с соответствующими публичными интересами, приводит к тому, что цель, равно как и результат любого воздействия, производимого в вещной среде публичного собственника, всегда являются юридически значимыми;

5) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, по своему юридическому значению представляет собой прежде всего обязанность для тех субъектов, на которых возложено осуществление такого воздействия; с тем чтобы это воздействие могло быть реализовано, указанным субъектам предоставляются необходимые права (полномочия, правомочия). Такая характеристика управления, осуществляемого в вещной среде публичного собственника, вытекает из взаимосвязи производимых воздействий и публичных интересов: поскольку публичные интересы, лежащие в основании таких воздействий, являются внешним фактором по отношению к волевой сфере тех субъектов, на которых возложено осуществление указанных воздействий, последние юридически лишаются возможности (в том числе и под известной ответственностью) обеспечивать в рамках осуществляемых воздействий какие-либо интересы, отличные от интересов публичных;

6) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, характеризуется наличием процедурно-процессуальной формы его реализации, которая служит средством, гарантирующим от искажения или даже подмены публичные интересы, реализуемые в отношениях публичной собственности; с этой точки зрения соблюдение регламентированной процедуры осуществления воздействия всегда имеет юридическое значение, а нарушение процедуры в предусмотренных правовыми актами случаях может являться основанием для нуллификации правового результата, достигнутого в итоге осуществленного воздействия;

7) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, реализуется в формате бинарной взаимосвязи “государство — общество” и, по сути, протекает в рамках властеотношений как отношений по поводу организации и осуществления публичной власти в обществе. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает применимость в данной области общественной жизни идеи и конкретных юридических механизмов со-управления, которое тем самым обеспечивает аксиологическую связь воздействий, осуществляемых в вещной среде публичного собственника, с конституционными ценностями общественной солидарности и социальной справедливости;

8) воздействие, осуществляемое в вещной среде публичного собственника, имеет конституционно-правовую природу, а его связь с публичными интересами и, как следствие, публичной властью помещает его в границы предмета конституционно-правового регулирования, что подкрепляет также и гипотезу о принадлежности в целом феномена публичной собственности к предметной области отрасли конституционного права;

⁴ Подробнее см., напр.: *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 138—162 и др.; *Акопян Д.А., Еляков А.Д.* Природа управления // Актуальные вопросы правоведения. 2003. № 3. С. 260; *Берталанфи Л. фон* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. 1969 год. М., 1969. С. 23—65 и др.; *Берг А.И.* Кибернетика — наука об оптимальном управлении. М., 1964. С. 64 и др.; *Харитонова Ю.С.* Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 18, 19; и др.

⁵ Например, несобственники воздерживаются от совершения действий, направленных на неправомерное завладение и присвоение объектов публичной собственности.

9) объективные свойства и признаки, присущие воздействиям, осуществляемым в вещной среде публичного собственника, будучи “помножены” на видовой спектр и вариативный характер хозяйственного использования объектов публичной собственности, обуславливают многообразие форм, в которых указанные воздействия могут реализовываться. Внешние проявления таких воздействий во многих случаях могут обладать смысловым (содержательным) сходством с понятиями владения, пользования и распоряжения вещью, которые используются для раскрытия содержания собственности в гражданском праве. Однако при этом воздействия, осуществляемые в вещной среде публичного собственника, по своему разнообразию и правовым характеристикам выходят далеко за рамки цивилистической триады правомочий, поскольку: а) отражают распределение управляющих функций (компетенции) между разными органами власти и институтами общества, включая принципы разделения властей, непосредственной демократии и федеративного устройства; б) охватывают область волеобразования публичного собственника (общественные инициативы, целеполагание, стратегическое и текущее планирование); в) предполагают обязательный контроль за порядком совершения соответствующих воздействий или их результатами, в том числе и общественный контроль.

Таким образом, с учетом осуществленного индуктивного обобщения признаков управления применительно к области функционирования публичной собственности представляется возможным сформулировать следующие дефиниции.

Управление в сфере публичной собственности — это целенаправленное и имеющее юридически предусмотренную процедурно-процессуальную форму воздействие (совокупность воздействий), осуществляемое от лица определенного публичного собственника соответствующим субъектом в качестве его обязанности и согласно установленным для него юридическим возможностям по ее исполнению, объектом которого выступает поведение людей в общественных отношениях, складывающихся по поводу реализации публичных интересов при посредстве необходимых для этого материальных объектов (имуществ), которые возникают, развиваются и прекращаются в рамках этапов его — публичного собственника — волеобразования, волеизъявления и контроля соответствующих процессов и результатов, обладают при этом основанным на идее со-управления свойством публичности и составляют, тем самым, предмет конституционно-правового регулирования.

Соответственно, **публичная собственность в ее юри-дико-феноменологическом смысле** — это юридическая форма таких общественных отношений собственности, которые возникают, развиваются и прекращаются по поводу реализации публичных интересов при посредстве необходимых для этого материальных объектов (имуществ), обладают основанным на идее со-управления свойством публичности и имеют своим содержанием управление, т.е. целенаправленное и производимое в юридически заданной процедурно-процессуальной форме воздействие (совокупность воздействий) на поведение людей в указанных отношениях, которое осуществляется от лица определенного публичного собственника со-

ответствующим субъектом в качестве его обязанности и согласно установленным для него юридическим возможностям по ее исполнению в рамках этапов волеобразования и волеизъявления указанного публичного собственника, а равно реализуемого от его лица контроля соответствующих процессов и результатов.

Наконец, **публичная собственность в юридико-систематическом (институциональном) смысле** может быть определена как конституционно-правовой институт, регулирующий общественные отношения, которые, обладая основанным на идее со-управления свойством публичности, возникают, развиваются и прекращаются по поводу реализации публичных интересов при посредстве необходимых для этого материальных объектов (имуществ), и закрепляющий во взаимосвязи с другими институтами и нормами конституционного права юридические требования к формам и порядку управления, которое, образуя содержание указанных отношений, представляет собой целенаправленное и производимое в юридически заданной процедурно-процессуальной форме воздействие (совокупность воздействий) на поведение людей в этих отношениях, осуществляемое от лица определенного публичного собственника соответствующим субъектом в качестве его обязанности и согласно установленным для него юридическим возможностям по ее исполнению в рамках этапов волеобразования и волеизъявления указанного публичного собственника, а равно реализуемого от его лица контроля соответствующих процессов и результатов.

Конечно, сформулированные выше дефиниции не могут претендовать на безупречность и окончательность, так как представление о научной добросовестности, диктующей требование о критическом осмыслении всего окружающего, неизбежно выдвигает на первый план сентенцию древнеримского юриста Яволена, который (правда, применительно к области гражданского права) утверждал, что любые дефиниции опасны, поскольку совсем не много такого, что не могло бы быть опровергнуто⁶. Думается, сказанное Яволеном справедливо в отношении вообще любого социально-гуманитарного знания, в том числе и знания в области права. Поэтому сформулированные выше дефиниции, безусловно, лежат в плоскости конвенциональных понятий, практическая и доктринальная полезность которых в том, что без них весьма затруднительно (если вообще возможно) выстроить внятную исследовательскую парадигму в познании явления публичной собственности и, как следствие, подобрать оптимальные методы правового регулятивного воздействия в соответствующей сфере общественной жизни.

При этом **конвенциональный характер формулируемых понятий** не исключает, а напротив, предполагает, что им предстоит еще весьма длительный и насыщенный событиями путь научного осмысления и эмпирических “проб и ошибок”, прежде чем какое-либо из них приобретет качество устойчивости, особенно в контексте историчности государственно-правовых явлений и в целом жизни общества. Отсюда и относи-

⁶ См.: Смирин В.М. Римская familia и представления римлян о собственности // Быт и античность в истории / под ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С. 30, 31.

тельная объемность (детализация) сформулированных дефиниций: тем самым, по сути, очерчивается область для дальнейшего научного поиска и проверки достоверности предлагаемых конвенциональных понятий. Вооружаясь авторитетным мнением акад. Т.Я. Хабриевой и проф. В.Е. Чиркина, которые весьма объемно определили предмет отрасли конституционного права, указав, что получившееся “определение громоздко, но оно более или менее всесторонне”⁷, таким образом, можно утверждать: сформулированные выше дефиниции публичной собственности и управления в сфере публичной собственности хотя и объемны, детализированы, но они представляют собой попытку наиболее полного отражения характеризующих с их помощью явлений.

Характеризуя сформулированные выше дефиниции, необходимо также обратить внимание на приписанную им существенную особенность: в них реализована идея отказа от использования цивилистической концепции триады для раскрытия содержания определяемых с их помощью понятий. Причины такого отказа состоят прежде всего в неприменимости цивилистических конструкций для релевантной характеристики явлений публичного правопорядка. Однако данное обстоятельство не должно восприниматься и так, будто бы содержание публичной собственности раскрывается в приведенных выше дефинициях через идею господства публичного собственника над соответствующими предметами материального мира.

С этих позиций, безусловно, приведенные выше определения способны встретить возражения (причем, весьма серьезные!) даже со стороны тех исследователей, кто не склонен к употреблению цивилистической конструкции триады правомочий собственника, полагая, что ущемление собственности в рамках поименованных правомочий *a priori* ограничивает представление о ней как о наиболее полном, абсолютном праве на вещь, обедняет ее содержание и сжимает тем самым границы свободы, власти собственника над своим имуществом⁸. Между тем категория господства имманентно связана с феноменом воли и вообще с волевой сферой субъекта права; по-

этому любые попытки раскрыть содержание публичной собственности через представление о господстве собственника над вещью неизбежно помешают ее в структурно-логический контекст такой модели субъективного права, которая в настоящее время хотя и признается общепринятой в правовой теории, генетически при этом продолжает оставаться “изобретением” цивилистики. При этом цивилистическая в своей основе модель субъективного права (любого) не может быть столь уж безоговорочно применима для характеристики отношений, существующих в регулятивной сфере публичного права и непосредственно подчиняющихся аксиологической иерархии публичных интересов.

Известный дореволюционный русский юрист А.И. Елистратов, исследовавший различные аспекты публичного права, по данному поводу писал: “В основных понятиях и представлениях, определяющих структуру гражданских правоотношений, публицист находит в высокой степени ценные указания для упорядочения на началах законности административного быта. Отсюда вполне понятно увлечение административистов цивилистикой. Гражданско-правовые понятия начинают казаться общими юридическими понятиями. Признаки вида ошибочно принимаются за признаки рода”. Характеризуя имевшую место в XIX в. научную полемику среди ученых-юристов, поддерживавших в вопросе о сущности субъективного права либо теорию воли, либо теорию интереса, А.И. Елистратов отмечал: «Авторитет догмы “воли” и “интереса” оказался настолько велик, что означенные теории были восприняты и публицистами — без необходимой проверки соответствия этих цивилистических конструкций природе публичного права». Продолжая свои рассуждения, ученый утверждал, что цивилистическое представление о субъективном праве не может быть распространено на сферу публичного права: «“Господство воли” означает власть управомоченного субъекта использовать по своему усмотрению, в своем интересе то положение, какое ему обеспечено правом. Сообразно своим интересам, собственник вправе продать принадлежащую ему вещь, переделат ее, бросить или уничтожить. Руководясь своим интересом, кредитор вправе требовать уплаты долга, но может и простить своему должнику или облегчить ему условия займа. “Господство воли” свойственно гражданским правам потому, что гражданские правомочия подчинены частным интересам управомоченного лица. <...> Этот момент “господства воли” совершенно не соответствует публичному характеру правоотношений между властью и гражданами». Наконец, подытожил свои суждения А.И. Елистратов следующим образом: «Публичное право предъявляет свои требования к должностным лицам и к гражданам во имя общего блага и, таким образом, заставляет их класть в основание своей публичной деятельности момент общественного долга. Этот момент долга не исключает большего или меньшего простора, предоставляемого нормами публичного права участникам правоотношения. Но, как бы ни становились вследствие этого широки публичные правомочия власти и граждан, момент долга или обязанности продолжает сохранять в публичном праве доминирующее значение. Сама возможность использовать публичное правомочие в большем или меньшем объеме

⁷ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 74.

⁸ Подобного взгляда придерживается, напр., К.И. Скловский, указывая, что “собственность является по существу правом неограниченным, полным” (см.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М., 2010. С. 212); анализируя полноту господства собственника над вещью, он также пишет: “Полнота господства собственника над вещью означает возможность совершать с вещью любые действия. Полнота... в наибольшей степени отражает свободу собственности, как и свободу собственника” (см.: там же. С. 210). Об определении юридического понятия собственности посредством представлений о господстве над вещью см. также: Савиньи Ф.К. Обязательственное право / пер. с нем. СПб., 2004. С. 49; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 270, 272, 299; Трепещин И.Н. Приобретение движимостей в собственности от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава, 1907. С. 502; Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. М., 1997. С. 5; и др.

либо совсем его не использовать подчинена этому моменту. Возьмем, для примера, право казны. По содержанию своих правомочий и по способу их защиты казна в правовом обороте может сильно уподобляться субъектам гражданского права. В управлении казенным имуществом должностным лицам обыкновенно предоставляются широкие правомочия, в известной степени соответствующие имущественным правам частного лица. Тем не менее между казной и частным собственником остается глубокое различие: между тем как частное лицо уполномочено в своем индивидуальном интересе, в основе прав казны лежит служебный, общественный долг. Этим долгом, обязанностью действовать в публичном интересе должностные лица связаны в осуществлении всех своих прав. Уклоняясь от этого долга, действуя в корыстных или иных личных видах, они рискуют столкнуться с уголовным законом»⁹.

Пожалуй, сложно было бы привести более аргументированное и яркое обоснование тому, по какой причине в сформулированных выше дефинициях публичной собственности и управления в сфере публичной собственности отражается понимание соответствующих явлений прежде всего как бремени (обязанности, долга), и при этом отсутствует привязка как к концепции триады правомочий собственника, так и к категории господства собственника над вещью, и к другим цивилистическим конструкциям и построениям: таковые имеют безусловную ценность для правового регулирования сферы гражданского оборота — пространства личной свободы и частной инициативы, но, увы, способны исказить действительную картину общественной жизни, будучи применяемы в юридической плоскости осуществления публичной власти и реализации публичных интересов, и оттого должны заимствоваться для правового регулирования публичных правоотношений с особой степенью осторожности и обдуманности.

Таким образом, подводя итог, необходимо констатировать, что **управление, составляющее смысловой центр понятия о публичной собственности, имеет, как было показано выше, сложную структурно-функциональную логику**, посредством которой обеспечиваются:

трансформация права публичной собственности из понимаемого в традиционном ключе субъективного права в правообязанность;

положение государства (а также всех органов публичной власти и их должностных лиц) по отношению к объектам публичной собственности, сопоставимое с положением управляющего чужим имуществом;

особый характер структурирования, конгломерации и консолидации объектов публичной собственности, обусловленный: 1) содержанием реализуемых публичных интересов; 2) целями управления, осуществляемого в вещной среде публичного собственника; 3) потребительскими и иными качествами объектов, формами и способами их хозяйственного использования; 4) разделением властей, федеративным устройством государства, существующими механиз-

мами непосредственной демократии и иными принципами общественно-политического устройства механизма отправления публичной власти;

многомерный и вариативный характер форм (методов, способов) осуществления управляющих воздействий в вещной среде публичного собственника в конкретных практических ситуациях.

Справедливости ради необходимо обратить внимание на то, что в отечественной юриспруденции в предшествующий период некоторыми учеными уже предпринимались попытки использовать категорию “управление” для раскрытия сущности сначала государственной социалистической собственности, а в новейшей истории — государственной и муниципальной собственности. Однако в силу различных причин соответствующие концепции не получили логически завершенного обоснования, а разработки советских лет по вполне понятным обстоятельствам утратили свое значение в контексте произошедшей в начале 1990-х годов смены общественно-политического и экономического строя Российского государства.

В частности, наиболее интересна в этом отношении концепция, предложенная в советское время С.А. Зинченко: автор, отказываясь от использования конструкции триады правомочий собственника, считал, что сущность права государственной собственности должна выражаться через единственное правомочие — управление, благодаря чему подчеркивалась бы управленческая природа права общенародной собственности. По мнению ученого, правомочие управления, являясь довольно общим и абстрактным, проявляется в более конкретных формах (правомочиях): планирование, осуществление программы, учет¹⁰.

Между тем концепция, сформулированная С.А. Зинченко, основывалась на реалиях советской системы хозяйствования и, являясь в определенном смысле “заложницей” признанной на конституционном уровне идеологии, а также укоренившихся плано-бюрократических стандартов экономической жизни общества, не могла быть развернута во всей полноте ее гносеологического потенциала. Это отчетливо видно и из содержания докторской диссертации, в рамках которой государственная собственность в СССР исследовалась ученым с хозяйственно-правовой точки зрения и потому оказалась помещена в границы существовавшей тогда системы органов власти, государственных институтов управления народным хозяйством, а также советских хозяйствующих субъектов — предприятий и их объединений¹¹. Как следствие, категория “управление”, предложенная исследователем в качестве единственного правомочия, раскрывающего сущность права государственной собственности, предстает в смысле логического значения, весьма отличающемся от такого понимания управления, при котором право публичной собственности “превращается” из инструмента господства (вещно-

¹⁰ См.: Зинченко С.А. Государственная собственность в СССР: проблемы правового регулирования. Ростов н/Д., 1986. С. 55–66.

¹¹ См.: Зинченко С.А. Государственная собственность в СССР: хозяйственно-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 9–11.

⁹ Елистратов А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве; II. “Теория субъективных публичных прав” А.А. Рождественского. М., 1913. С. 4–6.

го, экономического, какого угодно другого) в бремя и предмет постоянных забот и попечения.

В ряду работ по проблемам публичной собственности, увидевших свет после 1993 г., наиболее обстоятельно категория “управление” исследуется в монографии Э.В. Талапиной, охватывающей круг вопросов управления государственной собственностью. Однако она говорит об управлении не как о понятии, раскрывающем сущность и содержание юридической формы самой государственной собственности, но как о феномене, который имеет внешний характер по отношению к вещной среде государства-собственника; соответственно, сама государственная собственность рассматривается ею в качестве объекта управления, а управление государственной собственностью помещается тем самым в рамки преимущественно исполнительно-распорядительной деятельности соответствующих органов государственной власти¹². Подтверждает данный подход ученого и то, что в ходе систематизации форм и способов управления государственной собственностью Э.В. Талапина, отталкиваясь от “широкой” научной трактовки категории управления, говорит о непосредственном управлении, указывая на приватизацию, национализацию, гражданско-правовые сделки, банкротство и т.д.¹³ В этом обнаруживается заметное сходство выделяемого ею “непосредственного управления” с “узкой”, усеченной трактов-

кой категории управления, предлагаемой применительно к сфере публичной собственности А.В. Винницким: по существу, оба ученых говорят о процессах, которые во избежание терминологических коллизий удобнее было бы обозначать термином “администрирование”. Таким образом, концепция управления государственной собственностью, разработанная Э.В. Талапиной, не столько имеет целью раскрыть через категорию управления содержание юридической формы государственной собственности, сколько является попыткой найти примирение экономических, организационных и юридических аспектов этого многомерного феномена, отчего указанная концепция и довлеет преимущественно к административно-право-вой парадигме исследования соответствующей сферы общественных отношений.

Вместе с тем охарактеризованная выше сложная структурно-функциональная логика управления, рассматриваемого в качестве категории, посредством которой только и может быть раскрыто содержание публичной собственности, осмыслена ее конституционно-правовая сущность, получено адекватное реалиям представление о ее государственно-правовой, экономической и социокультурной миссии в системе элементов российской государственности, — именно эта логика и предопределяет на современном этапе отраслевую (конституционно-правовую) методологию, гносеологические цели и последовательность дальнейшего исследования юридического феномена публичной собственности.

¹² См.: Талапина Э.В. Управление государственной собственностью. СПб., 2002. С. 66–85, 115–154.

¹³ См.: там же. С. 85–95.

TO THE ISSUE OF THE CONSTITUTIONAL SPIRIT OF PUBLIC PROPERTY

© 2018 M. V. Borodach

Private legal practice “Property and intangible assets Management”, Ivanovo

E-mail: supanova@yandex.ru

Received 23.07.2018

It is argued in paper that public property phenomenon has constitutional legal nature basing on that the role of the State, being a civil society institution, is truly a mission of a service manager in the consideration of the public assets, whereas this management makes the core of any interpretations of public property as a legal phenomenon and inalienable attribute of the Russian statehood. Author formulates the definition of the term “management” in its connection with the public property phenomenon, as well as consequently proposes the relevant descriptions of the public property itself (in its phenomenological and institutional dimensions), disclosing its elements and legal substance.

Key words: public property, statehood, management, possession, usage, disposal, public assets, Constitution of Russia, public authority, public interests.